

шОЧТдА

СОПЕРНИЧАЮЩИЕ МОДЕЛИ И СЦЕНАРИИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОПОРЯДКА: СУТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ

В эпоху «холодной войны» в мире сложилась биполярная система, которая функционировала на основе жестких принципов глобального противостояния двух сверхдержав, взаимного сдерживания и блоковой дисциплины. При всех ее недостатках эта система все же позволяла обеспечивать определенный уровень стратегической стабильности.

С окончанием «холодной войны» эти принципы прекратили свое действие. Старая система международных отношений распалась, однако новых механизмов обеспечения стабильности, которые были бы адекватны в корне изменившейся обстановке, создано не было. В международных отношениях возникла переходная ситуация. Звучат прогнозы, согласно которым нынешний переходный период в развитии международной ситуации может затянуться на многие десятилетия. Согласно распространенным оценкам, «окончательный выбор модели глобального управления произойдет еще не скоро»¹.

Неопределенность формирующейся системы международных отношений во многом связана с тем, что процесс глобализации не завершен, и его последствия для человеческой цивилизации проявились, судя по всему, еще далеко не в полной мере². Между тем порождаемые глобализацией проблемы и противоречия продолжают нарастать. В отсутствие стабильного и предсказуемого мирового порядка «стихия» глобализации грозит выйти из-под контроля. В этих условиях в международном политическом и научном сообществе активно развивается дискуссия относительно желаемой и реалистически достижимой модели развития глобализационных процессов. Более того, налицо не только теоретический спор, но и острая политическая конкуренция проектов будущего развития глобализации, отражающая столкновение интересов различных государств, регионов, общественно-политических и финансово-экономических сил в этом ключевом вопросе мировой политики.

Выдвинутые в последние годы многочисленные проекты и рекомендации относительно дальнейшего развития глобализации можно сгруппировать следующим образом в зависимости от политико-филозофских установок их авторов:

¹ Никонов В. Политическая панорама XXI века // *Международная жизнь*, 2001. № 6. С. 11.

² См.: Делягин М. Г. Место России в условиях глобализации. – В сборнике: *Российское государство и углубление реформ в контексте глобализации мировых процессов, внешних и внутренних угроз безопасности России, борьбы с организованной преступностью и коррупцией. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 18-20 апреля 2001 года. Калуга, 2001. С. 143.*

1. *Неолиберальный сценарий*: развитие процессов глобализации и в целом международных отношений на основе либеральной модели экономики и последовательного распространения в «третьем мире» западного варианта демократических ценностей и институтов. Данный сценарий, выдвинутый в конце годов Ф.Фукуямой³, выглядит малореальным с учетом опыта последнего десятилетия. Как справедливо отмечает С.Хоффманн, главный исходный тезис Ф.Фукуямы о «конце истории» – не подтвердился событиями. «Если говорить конкретно, то его доводы предрекали конец идеологических конфликтов, но не самой истории, а также триумф политического и экономического либерализма. Этот посыл верен, но в узком смысле – «нецерковные религии», которые столь кровавым образом враждовали друг с другом в прошлом столетии, теперь канули в небытие. Ф.Фукуяма же не смог предвидеть, что национализм продолжает оставаться весьма живучим. Более того, он не придал значения взрывоопасному потенциалу войн, замешанных на религии, которые получили широкое распространение в исламском мире»⁴. Добавим к этому, что и в рамках самого западного мира неолиберальная идеология и основанный на ней подход к управлению глобализационными процессами были отвергнуты политической элитой крупнейшей державы – США, где возобладали консервативные установки администрации республиканцев.

2. *Сценарий конфликта цивилизаций*. Его автор – С.Хантингтон предложил качественно иное видение мира, основанное на гипотезе о том. Что насилие, как следствие анархии в мире и отсутствия общих ценностей и институтов скорее вспыхнет между цивилизациями, чем между государствами или идеологиями. Однако и данный сценарий, как представляется, не выдержал проверку временем. С.Хантингтон в значительной мере не учел конфликты внутри каждой из так называемых цивилизаций, а, кроме того, переоценил важность религиозного фактора в поведении политических элит разных регионов мира, в особенности на Востоке, где за религиозной оболочкой политических движений и государственных институтов часто стоят вполне конкретные экономические и политические интересы. В результате модель С.Хантингтона не смогла дать надежных прогнозов внешнеполитического курса государств, принадлежащих к различным «цивилизациям».

3. *«Реалистические» сценарии*. Авторы многочисленных сценариев такого рода и в России, и за рубежом базируются на установках школы «реальной политики», в соответствии с которой процессы глобализации по сути ничего не изменили в мировой политике со времен Фукидида и Макиавелли, военная и экономическая мощь государства определяет его судьбу, взаимозависимость и международные институты являются вторичным, преходящим фактором, а цели государства определяются в основном в зависимости от военных угроз его безопасности. Такое описание мира дает, в частности,

³ Fukuyama, F. *The End of History. National Interest, Summer 1989.*

⁴ Hoffmann, S. *Clash of globalizations. P 105.*

Г.Киссинджер⁵. Однако и эта модель будущего не в состоянии адекватно объяснить фундаментальные перемены в международных отношениях, прежде всего, становление отношений взаимозависимости, а также усиление роли негосударственных «игроков» на мировой арене. Более того, «реалистические» сценарии явно недооценивают и качественно новые возможности, и острую необходимость международного сотрудничества, в целях противодействия общим новым угрозам, таким как распространение оружия массового уничтожения.

По нашему мнению, растущая взаимозависимость стран в экономической и других сферах, развитие региональных интеграционных процессов будут усиливать центростремительные, а не центробежные силы в международной системе (как это прогнозируют авторы указанных сценариев). Соответственно будет усиливаться потребность в новых, более совершенных механизмах и формах коллективного регулирования, а в перспективе – управления глобализацией.

В то же время комплекс описанных выше противоречий глобализации неизбежно затруднит становление таких механизмов. *Суть мировой политики во многом будет определяться вопросом о том, кто, как и в чьих интересах будет направлять развитие глобализационных процессов.*

Этот вопрос в той или иной форме служит объектом пристального внимания российских и западных исследователей. С известной долей условности можно выделить следующие основные прогнозы:

Формирование *американоцентричной модели международных отношений* и выход США на позиции единоличного лидера глобализации, управляющего по своему усмотрению темпами и направлениями глобализационных процессов. Сторонниками такой точки зрения выступают политологи и экономисты, близкие к республиканской администрации или занимающие в ней высокие посты, такие как Р.Киган и П.Вулфовиц.

Последствия реализации данного сценария уже достаточно подробно исследованы отечественными и зарубежными учеными.

Так, по мнению Е.М.Примакова, «возобладает ставка на натоцентризм в Европе, возможно, и шире – с охватом близлежащих регионов Азии... Несмотря на большую, чем прежде, самостоятельность Европы, Соединенные Штаты будут «заказывать музыку» и, по сути, принимать решения о применении силы против неугодных режимов и невыгодных ситуаций. Это низведет ООН до уровня одной из многих международных организаций, не более. Это вытолкнет Россию в зону изоляции от решения общемировых проблем, что неизбежно ужесточит ее политику и внутреннюю, и внешнюю, заставит искать партнеров для «контригры». Это объективно будет способствовать тяготению трех стран – России, Китая и Индии к координации действий при защите своих интересов. Наконец, это приведет к новому после окончания холодной войны мировому порядку,

не обязательно чреватому глобальным столкновением в первом десятилетии XXI века, но и не застрахованному от новой конфронтации на различных уровнях».

Американоцентричный вариант развития процессов глобализации подвергается обоснованной критике и в самих США, причем как со стороны либералов, так и консерваторов.

Так, редактор консервативной «Вашингтон пост» С.Маллаби отмечает, что «сторонники односторонних действий справедливо заявляют, что слабые союзники и громоздкие международные соглашения снижают эффективность коллективного вмешательства. Вместе с тем, похоже, что чисто односторонний подход работает не лучше, чем в прошлом срабатывали подчас путаные усилия международного сообщества»⁶.

В свою очередь, Дж.Най указывает на «американский парадокс, который заключается в том, что Америка слишком сильна для того, чтобы кто-то осмелился бросить ей вызов, но недостаточно сильна для того, чтобы достигать своих целей в одиночку». По его мнению, распространенные теории однополярности и американской гегемонии «ошибочны и потенциально опасны, ибо мировой баланс сил носит комплексный и многоуровневый характер. Соединенные Штаты обладают беспрецедентной военной мощью, но экономическое могущество они делят с Европой и Восточной Азией. В то же время, бурлящий мир транснациональных отношений лежит вне контроля Вашингтона. Если Соединенные Штаты будут вести жесткую, одностороннюю политику, они тем самым ускорят конец своего доминирования и разрушат свою возможность формировать глобальный политический ландшафт»⁷. Дж. Айкенберри указывает на целый ряд опасностей и рисков для самих США, с которыми сопряжены попытки построения американоцентричной модели глобализации. Он указывает, в частности, на то, что курс на силовое предотвращение распространения ОМУ по «иракскому образцу» приведет к ослаблению, а возможно, и распаду режимов нераспространения; «подавляющее превосходство американской военной мощи вкупе с политикой упреждающих ударов может подтолкнуть враждебные государства ускорить приобретение единственно возможного средства сдерживания США – оружия массового уничтожения»⁸.

Существует, по мнению Дж.Айкенберри, еще одна проблема. После свержения силами США диктаторского режима «неизбежно вынужденными становятся миротворчество и строительство государства, равно как и долгосрочные стратегии, которые сводят вместе ООН, Всемирный Банк и ведущие державы для распределения гуманитарной помощи и оказания других форм содействия... Это длинный список тех издержек и обязательств, которые сопровождают любую крупную военную акцию. Когда все это бремя расходов и обязательств станет дополнительным атрибутом имперской военной роли Америки, еще более сомнительной покажется возможность долгосрочной поддержки неоимперской стратегии у себя же дома – классическая проблема

⁶ Mallaby, S. *The Reluctant Imperialist. Terrorism, Failed States, and the Case for American Empire. Foreign Affairs. March-April 2002. P. 6.*

⁷ Nye, J. *The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. N. Y., 2002. P. 18.*

⁸ Ikenberry, J. *America's Imperial Ambitions. Foreign Affairs, September-October 2002. P. 57.*

чрезмерного расположения империи»⁹. Наконец, «неоимперская стратегия попадает в давнюю ловушку для великих имперских государств – самоокружение. Когда самое мощное государство мира использует свой вес, будучи не ограниченными правилами и нормами международной законности, оно рискует столкнуться с негативной реакцией. Другие государства будут стараться противодействовать международному порядку, при котором США играют только по своим правилам»¹⁰ (с. 58).

¹⁰ *Ibid.*

4. «Теневое» доминирование США.

Сторонники формирования подобной модели отмечают, что, «связав себя с миром многосторонними договорами и соглашениями, США, возможно, теряют некоторую свободу действий, но они выигрывают значительно больше оттого, что другие страны становятся более предсказуемыми и склонными к сотрудничеству. Они скорее склонны принять, нежели отвергнуть (или контрбалансировать) американскую силу, когда эта сила реализуется через хоть и шаткую систему многосторонних правил. Такая «мягкая сила», возможность влиять на другие государства невоенными средствами, является ключевым элементом успеха Америки¹¹. В этом же плане высказывается М.Хирш, который указывает, что «существует средний вариант между размытым глобализмом, к которому бушевская верхушка относится с презрением, и бескомпромиссным курсом на односторонние действия, который она предлагает в качестве альтернативы». По мнению данного исследователя, возможен новый международный консенсус, основанный на общем видении международной системы. При этом «американское военное и экономическое доминирование... должно быть сохранено... для того, чтобы быть теньвым гарантом той международной системы, для создания которой американцы так много сделали в прошлом столетии... Именно эта международная система вместе с ее экономическими и политическими нормами должна вновь подвести основу под соблюдение мира и порядка путем углубления связей между народами, кооптации несостоявшихся государств наподобие Афганистана, потенциальных изгоев и «стратегических соперников», а также изоляции, если не уничтожения террористов¹².

¹¹ *Nye, J. Op. cit. P. 79.*

¹² *Hirsh, M. Bush and the World. Foreign Affairs, September-0 ctober 2002. P. 4.*

Однако рассмотрение конкретных рекомендаций сторонников подобного курса показывает, что речь идет о формировании по сути дела системы «теневого доминирования» США. Наиболее четко, пожалуй, излагает план создания такой системы упомянутый выше С.Маллаби: «Наилучшей методикой решения проблем «неудавшихся государств» является институционализация смещения американского лидерства и международной легитимности. К счастью, не требуется долго искать пути решения этой задачи, – полагает Дж.Маллаби. – Всемирный банк и Международный валютный фонд уже воплощают подобную гибридную формулу: оба института отражают видение и интересы США и в то же время являются многосторонними». Автор предлагает создать «схожий по управлению новый международный орган для решения вопросов государственного строительства. Его работа не

была бы омрачена ни «болезнями» СБ ООН, связанным с российским и китайским правами вето, ни «болезнями» ГА ООН с ее системой «одна страна – один голос». Новый международный фонд реконструкции мог бы финансироваться богатыми странами, входящими в ОЭСР, равно как и другими государствами... Он включал бы в себя возможности и опыт в деле государственного строительства и мог бы развернуть свою деятельность, где бы ни решило правление при ведущей роли США. ...Создание такого органа не будет означать оживление империализма. Но оно заполнит вакуум безопасности, оставшийся после развала империй, как это сделала система мандатов после того, как Первая мировая война покончила с Османской империей. Новому фонду понадобятся деньги, войска и новые обязательства со стороны богатых государств; и он может быть создан только при сильной ведущей роли США»¹³.

Трудно представить себе, чтобы международное сообщество приняло подобный путь построения миропорядка, многополярного по форме и однополюсного по существу.

4. *Многополярная модель.* Данный вариант развития международной системы уже достаточно подробно разработан в российской и зарубежной научно-политической литературе, в том числе в работах автора¹⁴.

Примечательно, что споры о многополярности вышли за рамки академических дискуссий, и сегодня в них активно участвуют известные политические и государственные деятели. Так, госсекретарь США К.Райс, – в то время она являлась советником президента США по национальной безопасности, – выступая в июне 2003 г. в Лондоне, назвала многополярность «вынужденным злом», преподнося ее как отжившую свой век «теорию соперничества» между государствами с различными ценностями¹⁵.

В том же ключе с развернутой критикой многополярности выступил в российской печати посол Великобритании в Москве Р.Лайн. Справедливо отмечая, что мир «не зависит и никогда не будет зависеть от воли даже самой могущественной из более чем 190 стран мира», он вместе с тем пытается представить многополярность как «возвращение к миру, который мы оставили в 1980-х годах». В его интерпретации многополярность «стала знаменем поднимающего голову антиамериканизма и символом возрождения дискредитировавшего себя тезиса, который гласит, что мир должен быть разделен на блоки и «зоны влияния», причем блокам отводится роль «противовесов», вероятно, выполняющих по отношению друг к другу и функцию сдерживания»¹⁶.

Сторонники такого восприятия многополярности есть и среди российских политологов, также рассматривающих эту концепцию как имеющую антиамериканскую направленность. Они полагают, что теория многополярности противоречит интересам России, поскольку она «неэкономична» с точки зрения ограниченных российских

¹³ Mallaby, S. *The Reluctant Imperialist. Terrorism, Failed States, and the Case for American Empire. Foreign Affairs, March-April 2002. P. 68.*

¹⁴ См., в частности: Иванов И. С. *Внешняя политика России в эпоху глобализации: Статус и выступления.* – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

¹⁵ *The White House Office of the Press Secretary. June 26, 2003.*

¹⁶ Лайн Р. *Разделенные стеклянными стенами? // Международная жизнь. № 6. 2003. С. 109-110.*

¹⁷ *Стратегия для России: повестка дня для Президента – 2000 (доклад Совета по внешней и оборонной политике) . М., 2000. С. 91.*

ресурсов, а также «в известной мере лишает Россию свободы рук, почти автоматически втягивает ее в противостояние с США и, отчасти, с Западом в целом»¹⁷.

Подобные интерпретации, по мнению автора, имеют мало общего с теми представлениями о многополярном мире, которые лежат в основе российской внешнеполитической концепции.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что многополярность является отражением одной из объективных реальностей современной международной жизни, хотя и далеко не единственной. Суть нынешнего переходного периода в международных отношениях в том и состоит, что в них одновременно присутствуют элементы различных международных систем. Так, если говорить о военной мощи, то в этой сфере США, бесспорно, занимают позиции абсолютного лидерства по отношению ко всему остальному миру. Однако, например, в экономической сфере положение совершенно иное. Здесь имеет место реальная многополярность, смысл которой заключается в существовании нескольких крупных экономических «полюсов», таких как Европейский союз, Япония, страны Юго-Восточной Азии, динамично развивающийся Китай и т. д. Понятие многополярности вполне применимо и к характеристике огромного культурного и цивилизационного разнообразия современного мира. Одновременно в этом мире сохраняются и элементы биполярности, к которым можно отнести, например, объективный факт сохранения крупных ядерных арсеналов только у двух держав – России и США, а также отношения Север-Юг, разумеется, с поправкой на условность этих географических понятий и различия в уровнях социально-экономического развития как на «Севере», так и в еще большей степени на «Юге».

В этой связи заслуживает внимания точка зрения академика Н.А.Симонии, который писал: «Итак, существует ли сегодня многополярный мир? И да, и нет. Да – в том смысле, что многополюсность современного мира зародилась уже давно, с момента побед национально-освободительных революций и движений и появления крупных независимых государств в развивающемся мире. Нет – в том смысле, что многополюсность мира все еще в процессе своего формирования, и пока не существует цельной, завершенной картины многополюсного мира»¹⁸.

Из такого понимания многополярности объективно вытекает и соответствующее представление о модели международных отношений, которая должна быть адекватна этой реальности. Возрастание роли, наряду с США, других центров экономического и политического влияния, таких как Европейский союз, Россия, Китай, Индия, Япония, мусульманский мир, углубление интеграционных процессов в Юго-Восточной Азии, Латинской Америке, Африке, подводит к выводу о том, что управляемость современных международных отношений может быть обеспечена только на путях гармонизации

¹⁸ *Симония Н. Российская внешняя политика в условиях современных вызовов // Международная жизнь. № 6. 2002. С. 24.*

интересов и выработки согласованной международной стратегии.

Как в научно-теоретическом, так и в практическом плане наибольшую сложность при разработке многополярной модели мироустройства и глобализации представляет определение условий осуществления такой модели.

Многие исследователи главным из таких условий называют поворот во внешней политике США к изоляционизму.

Так, по мнению Е.М.Примакова, возможная в будущем «тенденция США дистанцироваться от активного участия в международных отношениях – главное, мол, надежно обеспечить технико-технологическими средствами свою собственную безопасность – растворится во всеобщем движении к новому миропорядку. Его отличительной чертой станет освоение полей совпадающих интересов: борьба с международным терроризмом, урегулирование региональных конфликтов, выработка мер, препятствующих распространению оружия массового уничтожения, обеспечение всеобщей экологической безопасности и т. д.».

Как представляется, перспективы продвижения к многополярному мироустройству вряд ли следует связывать лишь с ожиданием того или иного поворота в политике США (при всей важности ее тщательного учета и анализа). Реализация благоприятных возможностей для создания новой международной системы, основанной на сотрудничестве ведущих центров мирового развития, будет в огромной мере зависеть от проведения активной линии со стороны всех государств, заинтересованных в этом. При этом – и данное обстоятельство следует особо подчеркнуть – речь не идет о создании каких-то контрбалансов, противостоящих США. Было бы наивно пытаться воздействовать на ход глобализации помимо и тем более вопреки интересам крупнейшей экономической державы мира – одного из основных «генераторов» процесса глобализации. Необходима политика *активного вовлечения* всех основных центров глобализации в диалог о выстраивании действительно многополярной системы управления этим процессом. Именно такая система, как показывает проведенный выше анализ предлагаемых вариантов развития событий, отвечает долгосрочным интересам самих США, России и других государств мира.

Концепция многополярности предполагает, что в современных условиях ни одно государство, каким бы мощным и влиятельным оно ни было, не в состоянии единолично управлять ситуацией даже в рамках одного региона, не говоря уже о мировых процессах. Для этого недостаточно ресурсов какой бы то ни было отдельной страны, или даже группы стран. Для поддержания стабильности и урегулирования конфликтов необходимы коллективные усилия всего международного сообщества.

Конечно, Соединенные Штаты Америки являются сегодня крупнейшей экономической и военной державой мира. Однако при всей своей экономической и военной мощи США не в состоянии единолично обеспечивать на длительную перспективу как глобальную, так и свою собственную безопасность. Более того, США утратили возможность обеспечивать свои лидирующие позиции в рамках «западного блока» на тех основаниях, на которых это происходило в эпоху «холодной войны». С исчезновением идеологического противника в лице СССР США могут осуществлять лидерство на мировой арене лишь на основе общности интересов с другими государствами, а не «блоковой дисциплины», которая в прошлом обеспечивала автоматическую поддержку тех или иных американских подходов к международным вопросам. Американский политолог М.Хирш в этой связи предлагает строить внешнюю политику США на базе «нового консенсуса», который должен основываться на «общем видении международной системы». По его мысли, США должны поощрять формирование такого консенсуса на основе укрепления единства мирового сообщества в общих интересах обеспечения порядка и безопасности в мире. Он ссылается на мнение Г.Киссинджера, по мнению которого «доминирующая тенденция в американском внешнеполитическом мышлении должна заключаться в том, чтобы трансформировать мощь Америки в консенсус с тем, чтобы международный порядок основывался на согласии, а не на вынужденном подчинении»¹⁹.

¹⁹ *Foreign Affairs*,
September-October
2002. P. 41.

Сам характер таких глобальных вызовов, как распространение оружия массового уничтожения, терроризм, наркоторговля и др. требует ответа в рамках многостороннего взаимодействия, причем тем более эффективного, чем более широкий круг государств оно охватывает. Только на такой платформе можно находить эффективные пути решения острейших международных проблем. Здесь основа для сопряжения интересов, окончательного отхода от пережитков конфронтации, обеспечения общей гармонии глобального развития.

Об этом, в частности, свидетельствует опыт международного сотрудничества в Афганистане. Бесспорно, только США располагали материальными и техническими возможностями, чтобы провести столь масштабную операцию по ликвидации режима талибов и террористической инфраструктуры «Аль-Кайеды». Однако после окончания этой операции возникли серьезные проблемы, связанные с послевоенным обустройством Афганистана, включая обеспечение безопасности, формирование новых органов власти, восстановление экономики, борьба с незаконным производством и контрабандой наркотиков. Решение этих проблем потребовало самого широкого участия государств мирового сообщества. Многие указывают на то, что аналогичная ситуация складывается в Ираке.

Из всего этого можно сделать вывод, что многополярное мироустройство является объективным требованием эпохи глобализации, которое не имеет ничего общего с антиамериканизмом и тем более с возвратом к эпохе противостоящих друг другу коалиций. Суть концепции многополярности состоит ни в чем ином, как в необходимости отвечать на глобальные вызовы коллективными усилиями всего мирового сообщества. Это призыв не к «соперничеству», а к солидарности.

Россия придерживается такого подхода, поскольку именно в рамках многополярного мироустройства она может в максимальной степени реализовать свои национальные интересы в области безопасности и устойчивого социально-экономического развития. Однако такое мироустройство отвечает и широким интересам всех государств, поскольку в нем центральное место отводится коллективным механизмам поддержания мира и безопасности, а цементирующим началом служат международное право и принцип равной безопасности для всех государств.